

Приближение к Молитве Господней

От редакции: 25 января, спасая незнакомого бездомного, упавшего на рельсы железнодорожной платформы «Красногорская», погиб Георгий Великанов, певчий храма Всемилоостивого Спаса в Митино, первый пресс-секретарь службы «Милосердие», автор портала Православие.Ру. У Георгия, имевшего богословское образование и мечтавшего стать священником, осталась супруга Наталья.

Незадолго до своей гибели Георгий прислал в адрес нашей редакции две статьи. Одну, посвященную осмыслению молитвы «Отче наш», мы публикуем сегодня, другую – о тайне Креста Христова – побережем до Крестопоклонной седмицы Великого поста.

Царствие небесное и вечный покой рабу Божию Георгию!

- 26 января в храме Всемилостивого Спаса в Митино в 18:00 начнется парастас, затем – чтение Псалтири по усопшему.
- 27 января в 08:30 будет совершена панихида, в 09:30 – Божественная литургия, а в 11:30 – отпевание. Службу возглавит духовник Георгия протоиерей Георгий Бреев. После отпевания состоится погребение на Митинском кладбище и поминки.

Георгий Великанов

В одной из своих бесед о молитве Господней митрополит Суражский Антоний говорит, что долгое время не мог понять ее, найти свой личный «ключ» к ней. Заручившись поддержкой этого чудесного и великого человека, решаюсь признаться в том же самом!

Это само по себе удивительно, ведь молитва Господня центральна для всего христианства, недаром говорят: «выучить как Отче наш». Она произносится, вероятно, каждым верующим ежедневно по несколько раз (берем ли мы обычное, или «Серафимово» правило, или раннехристианский обычай произносить «Отче

наш» утром, днем и вечером), в храме мы можем услышать ее три раза подряд (на Часах и литургии). Написаны горы толкований и комментариев...

Самая главная, данная Господом молитва остается для нас и самой непонятой

Однако, возможно, именно поэтому самая главная, данная Господом молитва остается для некоторых из нас и самой непонятой. Ее известность и повторяемость создает эффект привыкания, а значит – иллюзию, что мы исчерпали ее содержание. Кстати говоря, это отражается и на богослужении: скажем, чтение «с Трисвятого по Отче наш» на всенощном бдении – в древности один из торжественных моментов этой службы (читал тогда Предстоятель или старейший священнослужитель) – сегодня может психологически восприниматься даже как некий «антракт», перерыв между более важными – поскольку не такими «привыкшимися» – частями богослужения... Неслучайно теперь «Трисвятое-Отче наш» читает вовсе не главный священнослужитель, а простой пономарь – и читает, чаще всего, соответственно: именно «как пономарь».

Простите, если выражаю только свою личную проблему «привыкания» к молитве. Слава Богу, если у вас ее нет. Зато есть другая – и, я уверен, универсальная – проблема, та, что и делает молитву «Отче наш» духовным Эверестом, забраться на который не только сверхсложно, но и опасно.

Дело в том, что молитва Господня разворачивает перед нами целую программу христианской жизни. Без реализации этой программы сама молитва останется пустым звуком. На ее осуществление нужны годы усилий, труда и пота, а главное – решимости к тому, чтобы полностью перемениться. А нам предлагается со-

вершить буквально скачок с подножия Эвереста сразу к его вершине (или наоборот – об этом ниже).

Судите сами: за какие-нибудь полминуты, в лучшем случае минуте (будь то молитвенное правило или служба в храме) мы успели «смети призывати», т.е. назвать Бога своим Отцом, попросить Его о том, чтобы воцарилось Его Царство, чтобы исполнилась Его воля и на земле, как на небе – то есть целиком и полностью, что не может означать ничего иного, кроме окончательной Победы Христовой, Его Пришествия и Небесного Иерусалима... Ну, и об избавлении от лукавого и всех козней его, то есть опять же – о Царствии Небесном, наступившем не для одного «меня», но для всех «нас»...

И все это проговаривается привычной скороговоркой.

Яснее ясного понятно, что «помолиться» так невозможно. Только «промолитвословить». Ты просто не охватишь ни умом, ни сердцем всего громадного содержания, стоящего за словами молитвы. Тем более за ее начальными словами. Ведь, как ни крути, выражения «да святится Имя Твое», «Царствие Небесное» сегодня для нас (в отличие от ранних христиан) слишком часто звучат абстрактно, а то и ассоциируются с могильными холмиками... За свою жизнь мне довелось встретить очень мало верующих людей, которые на самом деле «чают», т.е. с нетерпением и горячей надеждой ожидают «воскресения мертвых и жизни будущего века», просят в личной молитве и действительно ждут прихода Царствия Божия, *нового неба и новой земли* (Откр. 21, 1).

Причина проста. Для того, чтобы стать таким евангельским человеком, нужно перемениться. Нужно, чтобы все твое существо пропиталось тем настроением, который и выражен в молитве Господней, а для этого нужно войти в такие отношения с Богом, которые хоть сколько-нибудь напоминают отношения Христа с От-

цом, ведь об этом Он Сам и говорит: *восхожу к Отцу Моему – и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17). Прп. Иустин (Попович) дает удивительное, поэтическое определение процессу вхождения человеческой личности в такие отношения: *охристовление*.

И вот тут осеняет догадка.

... Ученики просят Иисуса *научить их молиться, как и Иоанн научил учеников своих* (Лк. 11, 1). Вероятно, Иоанн Креститель дал своим последователям какую-то особенную, отличавшую именно их сообщество молитвенную формулу – и апостолы Христовы ждут того же. Но Господь наш всегда «непредсказуем». Он не дает жесткой формулы, раз и навсегда неизменного текста – на это косвенно указывает различие вариантов молитвы Господней у евангелистов Матфея и Луки. **Иисус приводит пример того, как призваны молиться Его ученики**, в каком духе, в каком настроении. Чего они должны просить, желать, хотеть. Более того, согласно Луке, Господь в дальнейших объяснениях фактически сводит все содержание своей молитвы к одному прошению: о даре Духа Святого (Лк. 11, 13). И дает обещание, что такая просьба обязательно будет исполнена.

Затем ранняя Церковь сделала из молитвы Господней именно «формулу», литургический текст, каким он предстает уже в Евангелии Матфея. Наверное, это было неизбежно, хотя и привело к тем «минусам», о которых мы говорили в начале: смыслы молитвы для многих оказались «затертыми» бесконечным повторением одних и тех же слов.

Молитву Господню можно сделать подлинной «лестницей» духовного восхождения

Однако есть у этой ситуации и плюсы – причем такие, которые, при надлежащем их употреблении, могут привести, действительно, к глубочайшим отношениям с Автором молитвы, с Отцом и Духом, к преображению всего человека. А именно: молитву Господню можно сделать подлинной «лествицей» духовного восхождения. Разные люди используют для этого разные «методы», но в чем все они сходятся, так это в том, что необходимо читать «Отче наш» медленно, погружая ум в слова, задерживаясь на каждом прошении, а может быть, и каждым слове отдельно. Собственно, этот совет (часто встречающийся, к примеру, у свт. Феофана Затворника) относится и к любому другому молитвенному тексту. Но, пожалуй, молитва Господня «нуждается» в этом как никакая другая – как ввиду ее центральной важности для христианина, так и ввиду ее привычности.

Доводилось слышать такое мнение, что на вдумчивое, сердечное прочтение молитвы Господней уходит по крайней мере три минуты. Это минимум. Старец Софроний (Сахаров) в афонский период своего подвижничества читал «Отче наш» ночами напролет, а в конце жизни достиг такого состояния, что просто не мог довести молитву до конца – после первых же слов заливался слезами... Очевидно, он осознавал значение этого благоговейного, сокрушенного, в духе страха Божия, но одновременно такого детского и интимно-нежного обращения к Отцу с такой глубиной, какую нам трудно представить...

Но кроме «медленного чтения» и наряду с ним есть еще один метод. Его предложил митр. Антоний Сурожский: начинать свое движение по пути молитвы Господней от... ее конца к началу. Владыка при этом связывает молитву Господню с повествованием книги Исход о странствиях Израильского народа от рабства к свободе. Мы не будем сейчас приводить глубокие размышления митр. Антония, а возьмем лишь сам метод: начинать молитву с ее

последних прошений, продвигаться к предыдущим – и так до самого начала.

Такой способ прочтения дает неожиданно удивительные результаты. Для меня это стало настоящим открытием.

Дело в том, что если начинать молитву Господню так, как она дана, т.е. с первых прошений, лично я сразу сталкиваюсь с почти непреодолимыми трудностями, которые долгое время и не давали мне подступиться к этой громаде, хотя, разумеется, «молитвословил» я ее ежедневно.

«Отче наш»... В самом ли деле я ощущаю Бога – *своим* (а не только «общечеловеческим») Отцом, по словам прп. Силуана Афонского, родным и близким? Есть ли у меня такой опыт?.. Без честного ответа будешь «молитвословить», а не молиться. С честным ответом «нет» – будешь бороться, взывать, молить о том, чтобы такой опыт был *дарован* тебе лично, сокрушаясь о том, что пока его у тебя нет. Либо опять-таки теплохладно молитвословить. Честный ответ «да» означает, что, пусть и в мизерной мере, ты достиг цели, ради которой дана молитва Господня – усыновился Отцу во Христе и пережил это. И теперь твоя христианская жизнь станет кардинально иной...

«Да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя» по всей Земле – это все такие масштабы... Как я могу молиться об исполнении воли Божией для всего человечества, когда я сам постоянно иду против нее в своей жизни? Как могу я просить о приходе Царства Божия в планетарных масштабах, когда оно еще не пришло в мое собственное сердце, или, вернее, оно-то там (*внутри вас – Лк. 17, 20*), с момента Крещения и Миропомазания, есть, но *меня там нет*? Как дерзну молить «да святится Имя Твое», если оно не святится в моем сердце и жизни, и я даже толком не представляю, как это должно выглядеть?..

Конечно, я могу произносить эти священные слова как бы на волне поддержки всей Церкви, Небесной и земной, которая молится со мной. Наконец, я могу положиться на молитву Самого Христа, Который – трудно представить! – молится вместе со мной и называет *Своего* Отца также и *моим*... И это нужно и необходимо. На литургии с какого-то момента я призван забыть о самом себе, даже о своем недостоинстве, ибо «Святая – святым», облачиться во Христа и вместе со всеми верными произносить молитву «Отче наш» так, как ее произносил Сам Господь. Он даровал мне эту привилегию.

Но если я сам не дам себе возможности расти через молитву, а буду полагаться лишь на молитву братьев и сестер, включая Того, Кто, будучи Богом, стал нашим Братом, то я никогда не смогу воспринять в полноте те дары, которые сокрыты в молитве Господней. Наверное, это как Причастие: Христос входит в каждого из нас Своим Телом и Кровью, но каждый освящается в меру своей готовности и внутренней открытости Таинству.

Христос, Непорочный и Единый с Отцом, начал Свою молитву с прошений о том, чем живет Его душа: выражаясь словами апостола, о том, чтобы все спаслись и в разум истины пришли (ср. 1 Тим. 2, 4), о том, чтобы вся тварь покорилась своему Создателю (ср. 1 Кор. 15, 28) и обрела откровение чад Божиих в лице нас, людей (ср. Рим. 8, 19); о том, чтобы в конце концов Бог стал *все во всем* (1 Кор. 15, 28).

Таково содержание *Его* сердца.

Но, увы, не моего.

Для меня, падшего человека, такое состояние – конечная цель пути, та, что называется у святых отцов обожением. И поэтому мне надо к ней *постепенно прийти*.

А начинается духовный путь с покаяния. С осознания гибельности того положения, в котором я сейчас нахожусь под властью *князя, господствующего в воздухе* (Еф. 2, 2). С понимания, что дальше так жить нельзя – подо мной бездна.

Для меня гораздо понятнее начать молитву Господню с ее конца

И потому для меня гораздо естественнее и понятнее – начать молитву Господню с ее конца. Я прошу Господа, еще, быть может, не ощущая Его близости и заботы, не зная точно, Отец ли Он мне – зная только разумом, – прошу, чтобы Он выхватил меня из лап греха, смерти и их «автора» сатаны: **«Избави мя от лукаваго!»** Таково начало христианского пути, таково начало таинства Крещения: прежде, чем сочетаться со Христом, нужно *отречься* от сатаны, «и всех дел его, и всей гордыни его, и всего служения его».

Но если я внимателен к себе, то очень быстро понимаю, что лукавый преследует меня на каждом шагу и не оставит до смерти, *ибо он как лев рыкающий, ищущий, кого поглотить* (ср. 1 Пет. 5, 8–9). Сети расставлены везде, как это увидел Антоний Великий. И во мне рождается вопль: **«Не введи мя во искушение!»** Не лиши меня Твоей защиты, не оставь меня, когда я сам Тебя оставляю, удержи меня там, где я сам хочу упасть, Господи, или хочу или не хочу – спаси мя!

При виде того, как постоянно я осаждаем искушениями и страстями, во мне пробуждаются два взаимосвязанных чувства: сокрушения и сострадания к моим братьям. Я понимаю, что и я, и он, и она, и все мы, жители планеты Земля – товарищи по несчастью и одновременно по своему высочайшему призванию. Как могу я осуждать, гневаться на других, когда сам постоянно падаю? И все же я продолжаю осуждать, гневаться, обижаться и не

прощать... Но я понимаю хотя бы умом, как это дико и неестественно.

«Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим». Долг – это даже не грех. Это то доброе, что ты должен был сделать и не сделал. Я прекрасно знаю и часто вспоминаю, кто и что мне в жизни «недодал». Подобные ситуации, особенно, связанные с близкими, оставляют глубокие раны в душе, и они кровоточат. Порой мы годами не можем освободиться от глубоко спрятанной и отравляющей весь духовный (и физический) организм обиды, которую вроде бы «простили». И потому часто я даже не смею молиться «прости мне долги мои, как я прощаю» – я тут же был бы осужден! Не дай Бог, чтобы Бог прощал нам так, как мы прощаем! Я только с робкой надеждой молю: **научи** меня прощать так, как Ты прощаешь. Пусть то прощение, милость и сострадание, приходящие из Вечности, от Бога, Который поистине ведет Себя как Отец, полностью забывший о Себе, – пусть эти благодатные чувства, которые Ты даешь мне испытать у исповедального аналоя, перельются в мои отношения с людьми. Научи меня прощать Твоим прощением и любить Твоей любовью. И тогда, в один прекрасный день, я смогу от всей души вместе со Христом сказать: прости, как я прощаю!

Здесь мы уже подходим к следующему прошению молитвы Господней, четвертому от конца. Чтобы я мог прощать Божьим прощением и любить Его любовью, мне нужен **«Хлеб насущный»**, Хлеб Его ежедневного присутствия в моей жизни. Этот образ обнимает собой буквально все: от хлеба, физической пищи, без которой мы не можем жить – до Хлеба Евхаристии, который видят в этом прошении чуть ли не все святые отцы. И то, и другое – «Божия любовь, ставшая съедобной» (слова о. Александра Шмемана), неслучайно в древности Евхаристия совершалась прямо во время трапезы. Все в жизни – Его милость. Мы просим о хлебе

насущном, о том, чтобы Божия любовь ежедневно питала нашу душу и тело. В состоянии падшести, «кожаных риз», когда наша природа огрубела, мы бываем слабо восприимчивы к этой Любви и с трудом осознаем саму нужду в ней. Вот почему «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». И в этом удушливом пространстве греха мы пытаемся открыть окна в Небо, в Его Присутствие, чтобы свежий ветер Святого Духа не давал нашему духу умереть. Эти окна – молитва, Слово, таинства. Но задача в том, чтобы постепенно «хлебом насущным» Его благодати пропиталась вся наша жизнь.

И вот тогда, ощутившие жгучую нужду в благодати, сострадая братьям и сестрам, ближним и дальним, которые так же, как и мы, страдают от ее нехватки – а это единственная причина всех страданий на земле, – мы подходим к сияющим вершинам молитвы Господней.

Начиная молиться первыми (т.е. последними) прошениями молитвы, я употреблял первое лицо единственного числа. Это я – первый и единственный грешник, нуждающийся в спасении, избавлении от лукавого и всех его искушений, в прощении и способности прощать – хоть я этого и не осознаю. Но, пройдя этот путь – путь молитвы, ибо все в жизни есть молитва-диалог с Подателем жизни, – пройдя путь до той духовной «локации», где мы остановились, я бы обнаружил свое глубокое родство со всеми людьми и перестал бы молиться лишь о себе, но взывал бы от лица всех страждущих и ищущих Лица Божия. А таковы в глубине души все люди. Покаяние и сострадание открывают сокрытое от нашего обыденного, поверхностного взгляда единство всех со всеми.

Но об этом я уже ничего не знаю. Здесь – опыт святых. Такое состояние – монашество духа, ведь монах, по мысли старца Зосимы

(Сокура), сострадает всем, жалеет всех и всем желает того, к чему и сам стремится всеми силами души, – спасения.

Да и как возможно спасение одного «меня» без «всех»? Сама эта мысль – оксюморон, ведь спасение в полноте – это состояние, когда *будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28). Мы не касаемся здесь тайн Домостроительства Божия, не утверждаем апокатастасис. Мы только констатируем из опыта святых тот факт, о котором лучше всего сказал прп. Силуан: «любовь не может понести» погибели кого-либо. Дух во святых молится *неизреченными воздыханиями* (Рим. 8, 26) о спасении всех.

Поэтому, когда жажда Хлеба благодати, Хлеба Самого Бога достигает в человеке определенной меры, она включает в себя все больше ближних и в конце концов всех людей. Вот тогда только и может он «чистым сердцем» славить Бога. Тогда, соединившись с молением Самого Христа, он дерзновенно, как сын, подходит к Богу, прося: **«Да будет воля Твоя на земле – как на небе! Да придет Царствие Твое! Да святится Имя Твое!»**

Да святится оно в моем сердце непрестанно. Да придет Царствие Твое в мою исстрадавшуюся по нему душу. Да исполнится воля Твоя в моей жизни, как и на всей земле. Да святится Имя Твое в наших сердцах. Да придет Царствие Твое ко всем жаждущим его. Да будет воля Твоя обо всех нас – а воля Твоя есть освящение наше (ср. 1 Фес. 4, 3). Да прейдет образ мира, и да придет Царствие Твое. Маранафа!

Так, возможно, молится человек, то о себе самом, то о конкретных людях, то обо всех вообще людях. А может быть, остается только молитва за других – я не знаю. Это тайна молитвенников. Мы слышим свидетельства об их опыте, но они – лишь отблески того Огня, который сокрыт в их жизни *вместе со Христом в Боге* (Кол. 3, 3).

... А потом, в какой-то момент, может остаться лишь одно: **ОТЕЦ**. Потому что вы... приняли Духа усыновления, которым взываем: «Авва, Отче!» (Рим. 8, 15). Как мы знаем из жизни Силуана Афонского, у него постоянно происходило это «круговращение молитвы»: от себя к другим и от них – к созерцанию Бога, а затем, наполнившись любовью и благодатью, – снова к молитве за других...

Возможно, многие из нас даже не представляют, о чем говорят первые прошения молитвы Господней...

Но у нас есть путь, есть возможность сделать первые шаги – первые от конца.

Конечно, у всех опыт разный. Многим из нас еще в начале пути дается пережить нечто от того Огня, который постоянно горит во святых, и в такие моменты мы можем с сочувствием сердца произносить молитву Господню с ее начала. Но молитва еще не стала нашей жизнью. Она пока лишь радуется теплом и отсветами этого костра, Неопалимой Купины, поглощающей все существо праведников. Нам кажется, что уже этих отсветов достаточно – их и действительно достаточно на том этапе пути, где мы находимся. Возможно, впереди – пустыня искушений, «темная ночь» кажущейся богооставленности. Тогда надо будет из убеждения, а не из чувства, произносить святые слова (особенно первых прошений молитвы Господней), не ощущая никакого отклика в душе... Но в любом случае каждый из нас может, взяв молитву Господню, определить, в какой ее «точке» он находится в данный момент.

...

Христос нисходит, «преклонив небеса», по лестнице молитвы в наш дольний мир, с верхних «ступеней» к нижним. Нисходит,

призвав и явив Царство Отца и Сына и Святого Духа. Нисходит, чтобы освятить Имя Отца, исполнить Его волю, отдать Хлеб Своего Тела, претерпеть *искушения*, списать со счетов все *долги* каждого из нас, смириться даже до смерти, и Своим видимым поражением навсегда победить для нас *лукавого*. Это Божественный кенозис, Его часть в Богочеловеческой синергии.

Мы – восходим, спасаясь от лукавого, падая и поминутно поворачивая назад, борясь с искушениями, учась прощению, жаждая Хлеба, постепенно предаваясь в Его волю, по мере этого предания вкушая Его Царство – *праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17) и познавая таинственную силу Его Имени, приближаясь к Нему все больше и больше, как дети к Отцу. Мы восходим по ступеням молитвы Господней туда, где нас ждет Царство Пресвятой Троицы – ждет Отец наш, Который на небесах.

Таков человеческий подвиг, наша роль в Богочеловеческой синергии.

Молитва Господня – пункт Встречи этих двух – нисходящего и восходящего – движений. А Посредник, кладущий Свои руки на плечи Бога и человека одновременно (ср. Иов 9, 33), – Единородный Сын, Тот единственный, Кто говорит Богу: «Авва, Отче, Папочка!» и посылает Свой Дух, чтобы и мы смогли обращаться к Его Отцу так же (ср. Рим. 8, 15; Гал. 4, 6).

...

...Иаков пробудился от сна своего и сказал: как страшно место сие – а я не знал... (ср. Быт. 28, 16–17).

Как велика, страшна, головокружительна, но и прекрасна лестница молитвы Господней – а я не знал...

Георгий Великанов

